

которую нельзя было бы надстроить еще двумя или тремя деревянными ярусами. Никакой иной город не был так хорошо укреплен. И греки и франки провели большую часть Великого поста, не-престанно трудясь.

Предводители войска собрали совещание, дабы обсудить, какой план действий принять. Много толковали и так, и этак, но в конце решили: если по милости Божьей они силою вступят в город, то вся добыча, которую возьмут в нем, будет снесена в одно место и, как и подобает, честно поделена между всеми. Если же, кроме того, они полностью овладеют городом, то будут выбраны шесть человек из французской армии и шесть человек от венецианцев, которые поклянутся на святом Евангелии, что изберут императором того, кого сочтут наиболее подходящим, чтобы править ради лучших интересов этой страны. Кто бы ни стал императором, он получит четверть всей добычи, завоеванной и в городе, и вне его, и ему в пользование будут отданы дворцы Буколеон и Влахерн. Остальные три четверти добычи будут поделены на две равные части, одна из которых пойдет венецианцам, другая часть – французам. После чего изберут двенадцать самых мудрых и способных человек из французской армии и двенадцать таких же человек из числа венецианцев, которые возьмут на себя ответственность за распределение феодалов и обговорят, какая служба будет за эту честь предоставлена императору.

Итак, договор был заключен и скреплен клятвою с одной и с другой стороны французами и венецианцами, с тем условием, что по истечении года с конца марта каждый, кто захочет, волен уехать, куда ему заблагорассудится. Те же, кто останется в стране, будут обязаны служить императору так, как будет установлено. Последняя статья договора была дополнена примечанием, что все те, кто не будет его соблюдать, подлежат отлучению от церкви.

Теперь флот был прекрасно оснащен и вооружен, и была погружена вся провизия для крестоносцев. В четверг, на третьей неделе Великого поста, все взошли на корабли и завели на транспорты лошадей. У каждого боевого отряда были свои корабли, все они были выстроены бок о бок, и каждому военному кораблю были приданы галеры и транспорты. Это было, могу заверить вас, удивительным зрелищем – видеть, как флот выстроился в боевой порядок, который растянулся более чем на половину французского лье.

В пятницу утром корабли, галеры и другие суда в должном строю подошли к городу. Начался приступ, мощный и ожесточенный. Крестоносцы во многих местах высадились на сушу и подошли прямо под стены; а лестницы с кораблей так легли на укрепления, что защитники стен и башен в рукопашных схватках скрестили мечи с нападавшими. В сотне с лишним мест шел этот непрерывный штурм, и он длился до трех часов дня.

Но за грехи наши крестоносцы были отброшены, и те, кто высадился на сушу, были силою отеснены к кораблям. Я должен признать, что в тот день наше войско потеряло больше, нежели греки, чему последние были очень рады. Некоторые из наших людей уклонились от штурма и вывели свои суда из битвы. Другие же поставили свои корабли на якорь так близко от стен города, что обе стороны могли метать друг в друга камни из катапульт.

В тот же вечер, ближе к шести часам, бароны и дож Венеции собрались на совет в церкви на дальнем конце гавани, ближе к своему лагерю. Шел обмен самыми разными точками зрения; особенно французы были глубоко раздосадованы отпором, который они получили в этот день.

Многие присутствующие советовали напасть с другой стороны города, где он был не так укреплен. А венецианцы, которые лучше были знакомы с морем, говорили, что, если они пойдут в ту сторону, течение унесет их вниз по проливу и они не смогут остановить свои суда. Были на совете и такие, которые только радовались бы, если бы течение или ветер понесли их; им было все равно куда, лишь бы оставить эту страну за спиной и пуститься своей дорогой. И этому не стоило удивляться, ибо всем нам тогда угрожала большая опасность.

После долгих споров наконец было решено провести следующий день, который приходился на субботу, и все воскресенье, устраняя урон, нанесенный кораблям и осадной технике, а в понедельник снова пойти на приступ. На этот раз корабли, которые несут лестницы, будут связаны попарно и, таким образом, два корабля будут штурмовать одну башню. План был принят, ибо все убедились, что, когда только один корабль осаждал башню, ему в одиночку приходилось весьма туго, ибо защитники превосходили число тех, кто сражался на лестницах, и кораблю было трудно выполнить свою задачу. Резонно было предположить, что два корабля причинят башне больший урон, чем один. Как решили, так и было сделано в субботу и воскресенье.

А тем временем император Мурзуфлус (Алексей V Мурзуфлус) расположился со всеми